

Новые идеи в общественном сознании и социальной практике

© 2016 г.

Д.В. ТРУБИЦЫН

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ КЛЮЧИ К СЕКРЕТАМ РЕСУРСНОГО ПРОКЛЯТИЯ

ТРУБИЦЫН Дмитрий Викторович – кандидат философских наук, доцент Забайкальского государственного университета, Чита, Россия (dvtrubitsyn@yandex.ru).

Аннотация. Исследования ресурсного проклятия экономистами обнаруживают, по мнению автора, методологическую неполноту. Имея дело преимущественно с современной экономикой, они не раскрывают существенные закономерности, оставляют без ответа ряд вопросов. Исследование проблем ресурсного проклятия не может обойтись без социологического подхода, суть которого в выявлении закономерностей структурных трансформаций общества. Выявляется влияние высокой ресурсной обеспеченности на состояние современной экономики, на процесс ее развития из исторически предшествующей формы с обязательным анализом качественных изменений, сопровождающих эту трансформацию. В статье говорится о фатальности действия механизма ресурсного проклятия, если речь идет о странах, не сформировавших структуру и ценности современного индустриального общества.

Ключевые слова: ресурсное проклятие • ресурсная обеспеченность и ресурсная зависимость • экономический рост и экономическое развитие • трансформация социальных систем

С момента появления в экономической науке понятия “ресурсное проклятие” (РП) [Auty, 1993; Sachs, Warner, 1995] возник большой массив литературы, авторы которой стремились подтвердить или опровергнуть стоящую за этим термином закономерность. Несмотря на явный рост числа сторонников данной концепции и то обстоятельство, что в большей части критики она скорее уточняется, чем опровергается [Karl, 1997; Weinthal, Luong, 2006; Humphreys et al., 2007; Shaxson, 2007; Hiro, 2008; Гуриев, Сонин, 2008; Corrigan, 2013; Markowitz, 2013], вопрос остается открытым в аспекте влияния высокой ресурсной обеспеченности на экономику (“голландская болезнь”) и в аспекте её влияния на политические процессы (“нигерийская болезнь”). Высказываются сомнения относительно прежде всего фатальности; здесь господствует тенденция понимать РП не как объективное, действующее с необходимостью закона, а как вполне преодолимый недостаток сырьевой экономики. Главный вывод из богатой литературы о сырьевом проклятии состоит в том, что в нем нет ничего фатального – такого, чего нельзя преодолеть политическим усилием, основанным на научном знании [Эткин, 2014]. Другой нерешенный вопрос: является ли ресурсная

зависимость единственной и непосредственной причиной негативных явлений в ресурсно-богатых странах. По мнению М. Росса, купающиеся в нефти ближневосточные государства слышать не хотят о демократии; но и бедные страны, в которых нефть отсутствует, тоже не слишком знакомы с плюрализмом [Ross, 2001]. Острая дискуссия развернулась вокруг происходящего в России. Несмотря на то что значительная часть экспертов считает сырьевую зависимость экономики основной причиной неудач российской демократии [Fish, 2005; Goorha, 2006], здесь также есть серьезные сомнения. По мнению У. Томпсона, нет оснований считать, что политическая жизнь была бы здесь более демократичной, чиновничий аппарат – менее коррумпированным и более эффективным, если бы страна не располагала большими сырьевыми ресурсами [Tompson, 2005].

Дискуссия продолжается, признаки конструктивных ответов на эти и другие вопросы в рамках экономической теории отсутствуют. В этой статье мы попытаемся показать, что они и невозможны в чисто экономических исследованиях без использования возможностей социологии. Прежде всего обратимся к историографии проблемы, давно и явно выходящей за пределы экономической науки.

I

Мысль экономистов, обозначенная метафорой “ресурсное проклятие”, имеет ранние аналоги в разных областях обществознания, восходит к географическому и демографическому детерминизму XVIII в., прослеживается в политэкономии и марксизме XIX в., получает подтверждение в экономической истории начала XX в. Тогда уже эту закономерность зафиксировала зарождающаяся социология, в связи с исследованием последствий крупных демографических сдвигов для структурной организации общества, иначе говоря, с социальными эффектами роста численности населения, приводящего к ресурсной и территориальной стесненности. К наиболее известным относится один из законов Э. Дюркгейма: “разделение труда прямо пропорционально объему и плотности общества” [Дюркгейм, 1990: 244]. Обнаруживается данная мысль у радикального представителя демографического детерминизма – А. Коста, утверждавшего, что именно рост населения порождает все изменения в сфере политики, экономики, права, религии, технологии [Coste, 1900]. В России этим активно занимался М.М. Ковалевский и другие представители “демографической школы”, зафиксировавшие зависимость эволюции социальных систем от плотности населения [Ковалевский, 1898, 1900, 1903].

Обратим внимание: во всех этих случаях фиксировалось влияние роста численности и плотности населения не просто на состояние экономики и общества, а на развитие их. Сегодня сложно утверждать, кому принадлежит пальма первенства в фиксации этой закономерности – социологии или экономике, тем более, что как самостоятельные науки они тогда только возникали (задолго до упомянутых авторов со ссылкой на Дж. Милля утверждал о необходимости роста плотности населения для повышения производительности труда Маркс [Маркс, 1955б: 365]. Отмечал данную зависимость Ф. Энгельс, когда писал о том, что исчезновение “известного излишка свободных земель” являлось одним из условий распада общинной собственности [Энгельс, 1955: 498]). Но нельзя не отметить, что социологический подход к обществу, рассматривающий его динамику через призму трансформации социальной структуры, уже тогда давал возможность более глубокого осмысления данного явления, чем собственно экономическое исследование экономических эффектов экономических же феноменов. Это показывает идея Э. Дюркгейма об эволюции “сегментарного” общественного типа в “организованный”: она происходит у него под влиянием демографической стесненности. Маркс, которого в равной мере можно отнести и к ранним экономистам, и к ранним социологам, имел в виду влияние роста потребностей общества не просто на экономику, а на становление определенной её формы – капиталистической

формации. И он же утверждал: ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора [Маркс, 1955а: 7]; слишком расточительная природа не делает развитие чело- века естественной необходимостью [Маркс, 1955б: 522], выходя тем самым за преде- лы политэкономии.

В середине XX в. закономерность оформляется в более строгие научные теории в экономике и в социологии. В экономике наиболее известными стали исследования Э. Бозеруп, доказавшей, что при определенных условиях рост населения ведет к интенсификации сельского хозяйства, к росту благосостояния [Boserup, 1965]. И также выходя за пределы собственно экономического анализа, она констатировала факт благотворного воздействия стесненности не только на технологическую интенсифи- кацию, но и на распространение частной собственности. Она утверждала, что эти и другие социальные изменения не будут иметь места, если общество не испытывает демографического давления, если, конечно, не сводить развитие к количественному росту экономики.

Благодаря этим положениям датский ученый вошла в историю как “классик тео- рии развития” и открыла направление исследований, направленных на проверку “ги- потезы Бозеруп”. Их результат доказал ее правоту, но эти работы нельзя назвать чи- сто экономическими. Они были историко-экономическими, историко-экологическими, социально-экономическими [Clark, 1967; Ohlin, 1967; Simmons, 1989]. В плане влия- ния данной закономерности на долговременные исторические процессы была под- тверждена гипотеза Бозеруп в первую очередь. Ученые доказали возможность ее применения для изучения аграрной экономики в отдаленные эпохи истории, подтвер- дили, что более многочисленное и плотное население облегчает развитие социаль- но-экономических структур, а не только увеличивает производительность сельского хозяйства [Darity, 1980; Kelley, 1988; Krautkraemer, 1994; Scanlan, 2001; Johnston, 2003; Crenshaw, Robison, 2010]. С теорией “демографического толчка” выступил Дж. Сай- мон. В соответствии с ней, как экономическому, так и социальному прогрессу предше- ствует рост численности населения, который делает необходимой интенсификацию труда посредством развития технологий, роста производительности и увеличения эф- фективности природопользования [Simon, 1986].

Тот факт, что гипотеза Бозеруп подтверждается прежде всего в части влияния стесненности на крупномасштабные процессы, на длительную трансформацию эко- номических систем, говорит о многом. Именно здесь происходят значимые изменения социальной структуры, проявляются факторы не только и не столько роста экономи- ки, сколько ее развития. Там же, где подвергалась исследованию динамика не в ис- торические промежутки времени, выявлялись факторы, не позволяющие, по мнению авторов, говорить о прямой зависимости экономической динамики от обеспеченности ресурсами. Среди них, например, соотношение стоимости интенсификации и вовлече- ния в оборот новых земель [Kikuchi, Hayami, 1978], степень аграрного перенаселения [Bilsborrow, 1987], заимствование технологий и институтов [Lambin, Meyfroidt, 2010].

Однако обнаружение факторов, усложняющих закономерность, ее не опровер- гает. Остается вопрос, отменяют ли эти многочисленные взаимодействия внутрен- нюю, связанную с аграрной стесненностью, детерминацию экономического развития. Представляется очевидным, что для ответа на него необходим факторный анализ, который может быть реализован только в социологическом исследовании широкого масштаба. И в статистическом исследовании, т.е. таком, которое не проигнорирует множественность факторов, с одной стороны, но может зафиксировать наличие/от- сутствие искомой закономерности независимо от них, – с другой.

В социологии в контексте данного дискурса можно назвать несколько имен и тео- рий. “Общая теория населения” А. Сови, которую в равной степени считают эконо- мической и социологической, говорит о том, что страны с большим населением разви-

ваются быстрее. Напротив, снижение численности населения в результате эмиграции значительной его части в Америку объясняет упадок Испании XVIII в., Ирландии XIX в. [Сови, 1977]. О. Дункан связывает с ростом населения появление новых форм человеческих коллективов. Непосредственным следствием стесненности является “экологическая экспансия”, ведущая к увеличению количества материалов и энергии, извлекаемых из природы. Объективным результатом становится эволюционный скачок – появление более сложной системы организации общества [Duncan, 1964]. И. Матрас считает структурные социальные изменения в любых сообществах следствием роста численности и плотности населения. Итог тот же – переход на новую ступень эволюции. Конкретными механизмами социальной эволюции являются технические инновации, дифференциация, разделение труда [Matras, 1977].

Как видим, главным результатом демографического давления на ресурсы зафиксирован не просто экономический рост в рамках исторически гомогенной хозяйственной системы, а именно трансформация. И совершенно логично проверявшие гипотезу Бозеруп историки-экономисты вышли на дихотомии “аграрное – индустриальное”, “традиционное – современное”: данная закономерность проявляется прежде всего здесь. Но тут обнаруживается и главная методологическая проблема: экономическая теория, в рамках которой проводятся сегодня исследования “ресурсного проклятия”, использует данные понятия с недоверием, считая спорной их верифицируемость, стремится опираться только на факты современной экономической реальности. Хотя исторический контекст в ряде работ имелся (ученые обратили внимание на ускоренное развитие бедных ресурсами Нидерландов по сравнению с Испанией в XVII в., Японии – по сравнению с Россией начала XX в.), он скорее был демонстрацией примеров, подкрепляющих выдвинутую на основе анализа современной экономики гипотезу, чем систематическим исследованием зависимости долговременных крупномасштабных структурных изменений от обеспеченности ресурсами [Sachs, Warner, 1995].

II

Итак, термин РП, появившийся в экономической теории в конце XX в., обозначил новый подход к решению давнего вопроса о том, способствуют ли развитию общества благоприятные природные условия и ресурсное изобилие. Заметим, именно развитию, даже если речь идет только об экономике, а не ее текущему состоянию. Учет этого обстоятельства позволяет ответить на критику ряда экономистов. Как было сказано, хотя большинство из них разделяют основные положения теории РП, а некоторые исследования указывают на то, что данное явление имеет даже более охватывающий характер, чем считалось ранее [Bulte, Damania, Deacon, 2005], критика не прекращается. Н. Динг и Б. Филд настаивают на необходимости разведения понятий “ресурсная зависимость” и “ресурсная обеспеченность” [Ding, Field, 2005]. Первое, по их мнению, полностью соответствует закономерности ресурсного проклятия, здесь они согласны с Дж. Саксом и А. Уорнером, а второе может иметь и позитивные последствия для экономики.

Контраргументы возникают при постановке вопроса о влиянии высокой ресурсной обеспеченности не просто на экономический рост, фиксируемый в макроэкономических показателях (прежде всего ВВП), а на формирование новой системы экономических отношений. Рост ВВП далеко не всегда является показателем развития, поскольку может быть обеспечен наращиванием экспорта ресурсов с одновременной деградацией внутреннего производства и производственных отношений. Поэтому важно сконцентрировать внимание на индикаторах, которые показывают именно качественную трансформацию (в экономике это структура экспорта/импорта, наличие или отсутствие высокотехнологического производства, его экспорт и др.) и провести сравнительное исследование их зависимости от обеспеченности ресурсами. Но если учесть, что появление данных свойств экономики связано с серьезными обществен-

ными изменениями: институциональными, политическими, культурными, ментальными, – становится ясно, что экономическая рефлексия данного феномена является далеко не полной. Выход за ее пределы позволяет утверждать, что высокая обеспеченность в любом случае приводит к высокой зависимости экономики от экспорта ресурсов, когда и вступают в силу все проявления РП.

Некоторые исследования опровергают положения теории РП косвенно. Например, “теория конкурентных преимуществ” М. Портера [Porter, 1990] априорно противоречит интересующей нас закономерности в силу того факта, что больший доступ к ресурсам увеличивает конкурентоспособность экономики. Отчасти это подтверждает и глобальное исследование конкурентоспособности с определением мирового рейтинга данного показателя по версии Всемирного экономического форума (Global Competitiveness Index), демонстрирующее отсутствие прямой связи между обеспеченностью природными ресурсами и ростом национальной конкурентоспособности¹.

Полагаем, однако, – это противоречит искомой закономерности лишь на первый взгляд. Да, легкодоступные ресурсы и их разнообразие оживляют экономику, привлекают инвестиции, способствуют росту макроэкономических показателей за счет воздействия добывающих отраслей на остальные, дают средства для привлечения технологий, поддерживают высокий платежеспособный спрос на внутреннем рынке. Однако и здесь исследования оперируют показателями, характерными для развитой рыночной экономики. Для значительной же (если не большей) части современных стран проблема заключается не в ее развитии, а становлении, возникновении из предшествующей формы. Необходимо сосредотачиваться на параметрах, отражающих эту трансформацию. Нет оснований сомневаться, что увеличение конкурентоспособности положительно воздействует на экономический рост, но является ли этот рост индикатором трансформации аграрной экономики в индустриальную – большой вопрос.

Методологически важны подробности дискуссии по проблеме политических эффектов РП. С одной стороны, здесь также есть согласие большинства авторов в том, что высокая ресурсная обеспеченность ведет к деградации институтов и права. Как считает, например, Н. Шэксон, зависимость от минеральных ресурсов является злом не только в силу замедления экономического роста, но и вследствие жестких внутренних конфликтов, нарастающего неравенства, стагнации демократии и расцвета коррупции [Shaxson, 2007]. С ним соглашались и называют другие механизмы отрицательного воздействия ресурсного изобилия на политику Т. Карл, Э. Уэйнтел и П. Луонг, Р. Саква [Karl, 1997; Weinthal, Luong, 2006; Саква, 2010]. С другой стороны, по мнению того же Р. Саквы, хотя синдром рантье, без сомнения, искажает политическое развитие, не стоит считать, что любое богатое ресурсами государство неизбежно превращается в государство-рантье. А как полагает У. Томпсон, в изучении взаимосвязи ресурсной зависимости с плохим правлением непросто отделить причину от следствия [Tompson, 2005].

Дискуссия продолжается. Яркий повод для нее дает Россия. По мнению П. Гурха, негативное воздействие ресурсного изобилия на экономику пореформенной России очевидно. С 1998-го по 2005 г., т.е. в период первого максимального за всю постсоветскую историю роста цен на энергоресурсы, доля сырьевых товаров в российском экспорте возросла с 2/3 до 3/4 [Goorha, 2006: 602]. Последствия патологические и для политики. С. Фиш считает сырьевую ренту главной причиной крушения демократии в России: изобилие ресурсов остановило демократический процесс посредством коррупции, государственного вмешательства в экономику, ограничения свободы предпринимательства [Fish, 2005]. Ему возражает М. Брэдшоу: “дурное управление, коррупцию и вооруженные конфликты нельзя объяснять сырьевой рентой как

¹ Электронный ресурс. URL: <http://gtmarket.ru/ratings/global-competitiveness-index/info>

таковой; первейшее значение имеют механизмы, с помощью которых рента присваивается, цели, на которые она расходуется» [Bradshaw, 2006: 726]². Некоторые авторы и вовсе полагают, что России удалось избежать РП, и в мировой экономике она играет более позитивную роль, чем в свое время Советский Союз [Eilman, 2006].

В итоге, хотя из эксплуатации ресурсов действительно извлекается огромная рента, ряд экспертов не видят оснований полагать, что при ее отсутствии российская модель была бы менее коррумпированной и более эффективной. В качестве доказательства приводят «*норвежский аргумент*»: Россия производит 3 т нефти на душу населения, а Норвегия – 20 т. На долю нефти приходится 45% норвежского экспорта и 17% ВВП – и все же этой стране удалось избежать превращения в «нефтяное государство» [Саква, 2010: 117–118]. К «норвежскому аргументу» примыкает распространенный среди критиков РП «*американский довод*»: США и Канада в периоды подъема и индустриализации также не испытывали дефицита ресурсов. Сюда же можно отнести Великобританию и другие европейские державы после обретения ими колоний.

Полагаем, однако, что случаями, опровергающими закономерность РП, они не являются. В Норвегии второй половины ХХ в. мы имеем дело с уже сложившейся индустриальной экономикой, соответствующими институтами и прочно легитимизированными в сознании социально-политическими и экономическими отношениями современного общества. Другое дело развивающиеся страны, только вставшие на этот путь, и страны, не завершившие данный процесс. Именно поэтому важно не просто выявлять эффекты ресурсного проклятия на экономический рост той или иной страны, но исследовать его влияние на экономику и общество в стадии перехода от традиционной структуры к современной. Разумеется, это не означает, что избыток легкодоступных ресурсов не влияет отрицательно на уже сложившуюся индустриальную экономику (тогда не было бы самого понятия «голландская болезнь»). Но это влияние иное – оно создает проблемы для экономики на фоне быстрого роста других стран, но не отбрасывает ее назад, не способствует ее исторической деградации.

Сказанное относится и к случаям Великобритании и других европейских держав, получивших доступ к огромным ресурсам колоний, и к случаям США и Канады. Если брать во внимание процесс структурной трансформации аграрного общества в индустриальное, придется признать, что на территории североамериканского материка было воссоздание переселенцами европейского индустриального общества за пределами очага его первоначального зарождения. Считать иначе можно было бы только в том случае, если бы народы доколумбовой Америки создали свое индустриальное общество. Но этого не произошло, здесь мы имеем дело не с трансформацией, а с переносом. Данные случаи, равно как и случай Норвегии, показательны все же тем, что указывают на необратимость данного процесса. Очевидно, механизм торможения развития избытком ресурсов не действует после прохождения определенной точки: получив в свое распоряжение пространства и ресурсы североамериканского материка, европейское общество использовало их по-новому, создавало здесь современные социальные, экономические и политические структуры. Нетрудно заметить, что эти рассуждения не столько экономические, сколько социологические, и без них не представляется возможным ответить на ряд вопросов.

Существенный вклад в разработку теории вносят российские экономисты. Помимо подтверждения главного положения – о том, что страны, в экономике которых доминируют природные ресурсы, характеризуются более низкими темпами экономического роста, – ими были сделаны существенные шаги к пониманию воздействия ресурсного изобилия именно на развивающуюся экономику. «Ресурсное проклятие поражает в первую очередь те страны, в которых институты не развиты» [Гуриев, Сонин, 2008: 74]. Была выявлена и доказана взаимозависимость таких процессов, как увели-

² Цит. по: [Саква, 2010: 114].

чение сырьевой направленности экономики и ограничение свободы слова, усиление авторитарных тенденций, снижение уровня образования и квалификации трудовых ресурсов.

Но здесь нет согласия. Даже разделяя основные положения теории РП, большинство российских экономистов считают ресурсную зависимость не фатальностью, а отдельным недостатком, при желании вполне преодолимым. Так, выявив четыре группы механизмов негативного влияния избытка ресурсов на экономику (технологические, институциональные, политические, макроэкономические), В. Полтерович, В. Попов, А. Тонис констатируют, что аргументы в пользу ресурсного проклятия основаны на предположении, что правительство не хочет/не способно осуществлять меры по его преодолению [Полтерович, Попов, Тонис, 2007: 13]. Многое зависит от того, как оно себя поведет, насколько активно будет бороться с его механизмами.

Обратим внимание на поправку – с РП можно бороться, если правительство этого хочет. Но анализ ситуации, при которой правительство хочет этого или не хочет, а если хочет, то и может, выходит за пределы экономической теории. И этот выход заставляет усомниться в том, что власть той или иной страны как субъект социальных отношений в состоянии влиять на процесс собственной деградации под влиянием неоправданно больших доходов. Объективной закономерности здесь противопоставляется субъект, который в состоянии ее отменить. Мировая динамика показывает: бороться с данной закономерностью, особенно странам наиболее высокой обеспеченности ресурсами, чрезвычайно сложно, а развивающимся – невозможно вовсе. В долгосрочной перспективе в странах незавершенной модернизации, где не закрепился современный механизм отбора эффективной элиты, ресурсное изобилие, если для его несдерживаемого действия сохраняются условия, приводит либо к торможению, либо к деградации экономики и общества всегда.

III

Важнейший аспект проблемы, не затрагиваемый собственно экономическими исследованиями, но серьезно интересующий гуманитариев, – этико-аксиологический. Главной особенностью российской цивилизации, считает И.Г. Яковенко, порожденной ее ресурсно-территориальным изобилием, является “экстенсивная интенция сознания” – мощнейший тормоз развития экономики и общества [Яковенко, 2005]. Другой автор поднимает вопрос о причинах и следствиях РП, выходящих далеко за пределы экономики. Важнейшим его социальным результатом является “массовое искажение ценностных суждений и поражение самой способности производить такие суждения” [Эткинд, 2013: 157]. Корни этого явления лежат в условиях новой политэкономии: сырье стало дороже готовой продукции, дороже человеческого труда. Страны, продающие ресурсы, обеспечивают уровень жизни как минимум не ниже, а зачастую выше, чем страны, производящие львиную долю материального и духовного богатства планеты. Это полное, затрагивающее нравственный уровень искажение системы отношений. Если ранее в ее основе лежали исчисленные в акциях предприятий человеческие труд и талант, теперь, в силу финансового влияния сырьевых компаний, мировую экономическую систему определяют запасы ископаемых и те, кто ими случайно владеет. “В своей печальной практике рубеж XXI в. опроверг трудовую теорию стоимости, согласно которой стоимость создается трудом и только трудом” [Эткинд, 2014: 224]. Автор противопоставляет “трудозависимую” и “ресурсозависимую” экономики, раскрывает собственно социальные, политические, культурные и ментальные механизмы РП.

С большинством данных тезисов нельзя не согласиться. Фондовым биржам и вправду нет дела до того, произведены капиталы человеческим трудом или взяты из-под земли. Исследования, оперирующие только экономическими показателями, не фиксируют долговременных социальных последствий нравственной деформации,

происходящей под влиянием данного обстоятельства. Однако и философско-культурологические исследования сами по себе не способны сформулировать теоретические положения, разработать методологию их проверки. Здесь и должна вступить в дело *социология ресурсного проклятия*. Указанные нравственные деформации, поскольку они имеют место, требуют социологического исследования, если только нас не удовлетворят общие рассуждения о падении морали в ресурсозависимых странах, а в связи с их значимостью – в мировой экономике.

Это тем важнее, что по ключевому аспекту проблемы согласия нет и здесь. Из работ И. Яковенко вытекает, что интенсивная стратегия возникает только на основе исчерпания экстенсивной, следовательно, пока общество располагает большими запасами ресурсов, ждать от него реального развития не стоит, А. Эткинд считает сырьевую зависимость не проклятием, а свободным выбором. Затрагивая проблемы политики, он пишет: «отношения между ресурсами и демократией не действуют автоматически; они определяются исторически сложившимися институтами и суверенными политическими решениями» [Эткинд, 2014: 228]. И хотя далее в его работе содержатся противоречия, указывающие на ошибочность данного суждения. Он описывает трудности избегания губительных последствий ресурсной зависимости России, фактически непреодолимые без ее трансформации на цивилизационном уровне. Но, как и многие, Эткинд уверен в его истинности.

Безусловно, автор прав в том, что стратегия рантье выбирается под влиянием массы обстоятельств, несводимых к одному лишь факту избытка ресурсов. Однако настолько ли оригинальны «исторически сложившиеся институты» и независимы от экономической реальности «суверенные политические решения»? Проведенное нами исследование исторической динамики 53 стран Востока во второй половине XX – начале XXI в. показало, что РП в процессе модернизации – фатальность³. Она заключается в том, что высокая ресурсная обеспеченность приводит к ресурсной зависимости всегда. В долгосрочной перспективе, не справившись с трудностями формирования современной производящей экономики, богатые ресурсами страны избирают стратегию рантье. Однако этого не покажет и не объяснит собственно экономическое исследование, не учитывающее трудностей и конфликтов формирования современного общества, не рассматривающее его становление как длительный исторический процесс трансформации системы отношений.

Заключение. Историография проблемы свидетельствует о необходимости выхода за пределы экономической теории. Проблема эта ставилась в различных отраслях общественнознания как вопрос о том, способствуют ли социальному развитию благоприятные природные условия и избыток ресурсов. Современная литература демонстрирует методологическую неполноту его, РП, экономической рефлексии: 1) за основу проблемы не берутся структурные социальные изменения, происходящие в ходе становления современной экономики; 2) не учитывается долговременность и конфликтность этого процесса, а заостряется внимание на влиянии ресурсной обеспеченности на экономический рост; 3) не фиксируются негативные эффекты РП на уровне нравственности, менталитета, культуры.

Для адекватного понимания действия механизма РП не обойтись без выхода за пределы экономической теории. Необходимо использовать методы экономики в синтезе с познавательными средствами наук, направленных на изучение общества в аспекте его трансформации.

Следует определиться: закономерность, обозначенная метафорой «проклятие», является фиксацией влияния *чего и на что*? Нельзя говорить об отрицательном влиянии высокой ресурсной обеспеченности просто на экономику: здесь правы критики теории РП, утверждая, что это влияние не однозначно на различные, весьма многочис-

³ К настоящему времени опубликована его часть. См.: [Трубицын, 2014].

ленные аспекты экономического роста, и в современных условиях обилие природных ресурсов способно породить массу положительных эффектов. Любая закономерность выявляется путем локализации предметной области во времени и пространстве, и мы полагаем необходимым применять закономерность ресурсного проклятия именно в проблеме становления современной экономики. Только в этом случае снимаются аргументы, подобные “норвежскому” и “американскому”. Требуется учесть разницу в том, как пользуются природными ресурсами общества индустриальные и доиндустриальные.

Это касается и “аргумента Росса” (имеются бедные ресурсами страны, так же далекие от демократии и рыночной экономики, как и богатые). Он снимается применением социологической типологии “необходимых и достаточных” и “необходимых и недостаточных” факторов тех или иных процессов. Хотя ученые установили взаимосвязь между структурными изменениями в сторону усложнения общества и стесненностью в ресурсах, остается открытым вопрос: возможен ли выход на новую ступень эволюции общества, не испытывающего вызова стесненности, посредством одних лишь реформ и/или внешним воздействием со стороны более развитых обществ? Исследование экономической динамики с анализом долговременных структурных социальных изменений дало на него отрицательный ответ: стесненность в ресурсах, служащих для удовлетворения базовых потребностей общества, является необходимым, хотя и не достаточным условием формирования современного индустриального общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гуриев С., Сонин К. Экономика “ресурсного проклятия” // Вопросы экономики. 2008. № 4. С. 61–74.
- Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. Пер. с фр. А.Б. Гофмана. М.: Наука, 1990.
- Ковалевский М.М. Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства. В 3 т. М.: Изд-во К.Т. Солдатенкова, 1898, 1900, 1903.
- Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: ГИПЛ, 1955а. Т. 13.
- Маркс К. Капитал. Кн. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: ГИПЛ, 1955б. Т. 23.
- Полтерович В., Попов В., Тонис А. Механизмы “ресурсного проклятия” и экономическая политика // Вопросы экономики. 2007. № 7. С. 4–27.
- Саева Р. Сырьевой сектор России: экономика контроля и политика ренты // Неприкосновенный запас. 2010. № 6(74). С. 112–130.
- Сови А. Общая теория населения. В 2 т. Пер. с франц. Ф.Р. Окуневой. Т. 2. Жизнь населений. М.: Прогресс, 1977.
- Трубицын Д.В. Ресурсные и территориальные факторы модернизации: на примере арабских стран Северной Африки // Мировая экономика и международные отношения. 2014. № 4. С. 45–55.
- Энгельс Ф. Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: ГИПЛ, 1955. Т. 20.
- Эткинд А. Петропача, или Механизмы демодернизации в ресурсном государстве // Неприкосновенный запас. 2013. № 2(88). С. 156–167.
- Эткинд А. Сырье против товара: к критике политической экономии // Неприкосновенный запас. 2014. № 3. С. 219–235.
- Яковенко И.Г. В тисках душевной шири // Нева. 2005. № 2. С. 160–188.
- Auty R.M. Sustaining Development in Mineral Economies: The Resource Curse Thesis. London: Routledge, 1993.
- Bilsborrow R.E. Population Pressures and Agricultural Development in Developing Countries: A Conceptual Framework and Recent Evidence // World Development. February. 1987. Vol. 15. Is. 2. P. 183–203.
- Boserup E. The Conditions of Agricultural Growth: The Economics of Agrarian Change under Population Pressure. Chicago: Aldine; London: George Allen & Unwin LTD, 1965.
- Bradshaw M. Observations on the Geographical Dimensions of Russia’s Resource Abundance // Eurasian Geography and Economics. 2006. Vol. 47. № 6. P. 724–746.
- Bulte E.H., Damania R., Deacon R.T. Resource Intensity, Institutions, and Development // World Development. July 2005. Vol. 33. Is. 7. P. 1029–1044.

- Clark G.C. Population Growth and Land Use. London, Macmillan, 1967.
- Corrigan C.C. Breaking the Resource Curse: Transparency in the Natural Re-source Sector and the Extractive Industries Transparency Initiative // Resources Policy. 10/2013. P. 1–14.
- Coste A. L'expérience des peuples et les prévisions qu'elle autorise. Paris: Felix Alcan, 1900.
- Crenshaw E., Robison K. Socio-demographic Determinants of Economic Growth: Age-Structure, Preindustrial Heritage and Sociolinguistic Integration // Social Forces. 2010. Vol. 88. № 5. P. 2217–2240.
- Darity W.A. The Boserup Theory of Agricultural Growth: A Model for Anthropological Economics // Journal of Development Economics, 1980. Vol. 7. Is. 2. P. 137–157.
- Ding N., Field B.C. Natural Resource Abundance and Economic Growth // Land Economics. November 2005. № 81(4). P. 496–502.
- Duncan O.D. Social Organization and the Ecosystem // Handbook of Modern Sociology. Chicago: Rand McNally & Co., 1964. P. 37–82.
- Ellman M. (Ed.). Russia's Oil and Natural Gas: Bonanza or Curse? London: Anthem Press, 2006.
- Fish S.M. Democracy Derailed in Russia: The Failure of Open Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
- Goorha P. The Political Economy of the Resource Curse in Russia // Democratizatsiya. 2006. Vol. 14. № 4. P. 601–611.
- Hiro D. Blood of the Earth: The Global Battle for Vanishing Oil Resources. London: Politico's, 2008.
- Humphreys M., Sachs J., Stiglitz J.E. (Ed.) Escaping the Resource Curse. New York, Chichester, West Sussex: Columbia University Press, 2007.
- Johnston K.J. The Intensification of Pre-industrial Cereal Agriculture in the Tropics: Boserup, Cultivation Lengthening, and the Classic Maya // Journal of Anthropological Archaeology. June 2003. Vol. 22. Is. 2. P. 126–161.
- Karl T.L. The Paradox of Plenty: Oil Booms and Petro-States. Berkeley: University of California Press, 1997.
- Kelley A.J. Economic Consequences of Population Change in the Third World // Journal of Economic Literature. 1988. Vol. 26. № 4. P. 1685–1728.
- Kikuchi M., Hayami Y. Agricultural Growth against a Land Resource Constraint: A Comparative History of Japan, Taiwan, Korea, and the Philippines // The Journal of Economic History. 1978. Vol. 38. № 4. P. 839–864.
- Krautkraemer J.A. Population Growth, Soil Fertility, and Agricultural Intensification // Journal of Development Economics. August 1994. Vol. 44. Is. 2. P. 403–428.
- Lambin E.F., Meyfroidt P. Land Use Transitions: Socio-Ecological Feedback Versus Socio-economic Change // Land Use Policy. April 2010. Vol. 27 Is. 2. P. 108–118.
- Markowitz L.P. State Erosion. Unlootable Resources and Unruly Elites in Central Asia. Ithaca: Cornell University Press, 2013.
- Matras J. Introduction to Population: A Sociological Approach. New Jersey: Prentice Hall, 1977.
- Ohlin G. Population Control and Economic Development. Paris: Development Centre of the Organization for Economic Cooperation and Development, 1967.
- Porter M. Competitive Advantage of Nations. New York: Free Press, 1990.
- Ross M. Does Oil Hinder Democracy? // World Politics. 2001. Vol. 53. № 3. P. 325–361.
- Sachs J.D., Warner A.M. Natural Resource Abundance and Economic Growth // NBER Working Paper № 5398, 1995.
- Scanlan S.J. Food Availability and Access in Lesser-Industrialized Societies: A Test and Interpretation of Neo-Malthusian and Technoecological Theories // Sociological Forum. 2001. Vol. 16. № 2. P. 231–262.
- Shaxson N. Oil, Corruption and the Resource Curse // International Affairs. 2007. Vol. 83. № 6. P. 1123–1140.
- Simon J.L. Theory of Population and Economic Growth. London: Blackwell Publishers, 1986.
- Simmons I.G. Changing the Face of the Earth: Culture, Environment, History. New York: Basil Blackwell, 1989.
- Tompson W. The Political Implications of Russia's Resource-Based Economy // Post-Soviet Affairs. 2005. Vol. 21. № 4. P. 335–359.
- Weinthal E., Luong P.J. Combating the Resource Curse: An Alternative Solution to Managing Mineral Wealth // Perspectives on Politics. 2006. Vol. 4. № 1. P. 35–53.